

взглядов его противника-еретика. С другой — ТрEDIAKОВСКИЙ взывает к Евангелию как к альтернативной парадигме некритического дискурса, основанной на принципе «Не судите, да не судимы будете». Детальный критический разбор сочинений Сумарокова доказывает, по словам ТрEDIAKОВСКОГО, что «никому меньше, как Автору, по справедливости, можно смеяться над другими, и еще их несносно ругать и язвить. Весьма ему приличны слова Христа Спасителя нашего: *врачу, исцелися сам: сучец во очеси брата твоего зриши себе же бревна не чуеши*» (452). Осудив Сумарокова за якобы кощунственное употребление слов Евангелия в «Тресотиниусе», ТрEDIAKОВСКИЙ добавляет: «. . . я здесь, где нет ни малого скороморощества, не могуль дерзнуть тож зделать, но с благоговением, и привест в мое утешение из тогож Спасительного Евангелия речи, именнож, *претерпевый до конца, той спасен будет*». (440). Это одновременно и самозащита, и отрицание критики как таковой; ТрEDIAKОВСКИЙ апеллирует к другому, Высшему, суду. Здесь, как и в последующей традиции русской критики, цитирование Евангелия играет двоякую роль: и как некое абсолютное нравственное мерило, и как идеал «несудебной», неосуждающей критики (т. е., по сути дела, отсутствия критики).

Но ТрEDIAKОВСКИЙ подрывает доверие к такой «некритической» критике самим характером собственного «Письма». Пристрастность и явные передержки ставят под сомнение даже самые справедливые его замечания по поводу слабостей произведений Сумарокова. ТрEDIAKОВСКИЙ-апологет пересиливает ТрEDIAKОВСКОГО-судью. В своей заключительной тираде он, в частности, говорит: «Видели мы, Государь мой, что сия Автора ода порочна сочинением, пуста разумом, темна и обоюдна составом слов, ниска безразборными речами, ложна повествованием бывших дел, непорядочна, наполнена без нужды повторением тех же самых слов, неисправна в мере стихов, безрассудна в употреблении баснословия, напоследок, а сие всего прочего хуже, отчасти и неправоверна» (471). Подобных примеров можно привести множество.

«Письмо. . . писанное от приятеля к приятелю» ТрEDIAKОВСКОГО хорошо отражает проблемы, связанные с возникновением новой литературы без помощи «подлинной», независимой литературной критики. ТрEDIAKОВСКИЙ не смог выйти за пределы своей собственной заинтересованности. Классицизм как система нормативных правил нашел для себя готовую почву в России, где господствовали традиции политического и религиозного абсолютизма, и нужны были время и новые институты литературы, чтобы создать новое литературное пространство и новые способы обмена мнениями. Этим пространством в дальнейшем стали театр,